

Омар Хайям (проблемы и поиски) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Омар Хайям (проблемы и поиски).

Имя Омара Хайяма хорошо известно на его родине и далеко за ее пределами. Может быть, это самый популярный в Европе и Америке чужеземный поэт: во Франции и в США существовали (а кое-где существуют и сейчас) кабачки, названные по имени Хайяма, клубы последователей Хайяма, многие английские солдаты в первой и второй мировой войне несли в солдатских ранцах томик переводов персидского поэта.

Для одного из народов нашей страны – таджиков Омар Хайям – родной поэт, творчество которого вошло в классическое наследие. Русский читатель знает Хайяма довольно давно – с начала XX в. Широкое распространение получили переводы Хайяма, выполненные О. Румером в 20-х – начале 30-х годов, а затем – переводы И. Тхоржевского.

Омар Хайям родился в 1040 г. в городе Нишапуре, на востоке Ирана. Здесь он начал свое образование, а затем продолжил его в городах Балхе и Самарканде, став знатоком многих наук того времени, известным ученым. Слава Хайяма как выдающегося математика распространилась по всему Ирану и Средней Азии, многие феодальные правители стали приглашать его ко двору. Некоторое время Хайям провел в Бухаре при дворе Караханидского правителя, а затем по приглашению знаменитого сельджукского везира Низам алМулка перебрался в Исфахан, столицу огромного Сельджукского государства. Очевидно, в этот период научная деятельность Хайяма была особенно плодотворной: он создает несколько важных трудов – по физике и математике, по поручению шаха разрабатывает календарную реформу. На основе точных астрономических наблюдений и оригинальной системы подсчета Хайям в XII в. предложил календарь, который был на 7 секунд в год точнее ныне действующего. К сожалению, этот календарь никогда не был введен, а многие математические решения Хайяма – огромное достижение для того времени! – были забыты на Востоке и лишь через века открыты вновь европейскими учеными.

Но в средние века судьба ученых и писателей во многом зависела от сильных мира сего. В 1092 г. умер Низам ал-Мулк, могущественный покровитель Хайяма, – и для поэта наступили тяжелые времена. Он лишился поддержки двора, его научным трудам мешали. Последние годы жизни Хайяма проходят в скитаниях. Перед смертью он возвращается в родной город и умирает там в 1112 г. В Нишапуре сохранилась могила Хайяма, позднее над ней был построен мавзолей.

У себя на родине Хайям был больше известен как философ и математик, до XIX века – времени "открытия" Хайяма европейцами – его популярность как поэта была значительно меньше той, которой пользовались, например, Фирдоуси, Саади, Хафиз.

Всемирное признание Омар Хайям получил после появления замечательных английских переводов Эд. Фицджералда, впервые опубликованных в 1859 г. Перевод Фицджералда выдержал до конца века двадцать пять изданий, и, пожалуй, прав был Теннисон, когда назвал его "планетой, равной Солнцу, бросившему ее в пространство".

Однако стихи Фицджералда не были переводами в подлинном смысле слова: это были скорее вольные поэтические вариации на темы и мотивы Хайяма; Фицджералд произвольно подобрал и расположил четверостишия Хайяма, даже "дописал" кое-что от себя. В основном в его сборник вошли стихотворения, в которых были выражены идеи мировой скорби и пессимизма, а также гедонические мотивы.

Переводы Фицджералда положили начало, и сборники стихов Омара Хайяма в оригинале и в переводах стали издавать во многих странах мира, а ученые принялись изучать его творчество. И тут востоковеды столкнулись с неожиданным препятствием: оказалось, что многие приписываемые Хайяму рубаи (четверостишия) вовсе не принадлежат ему! К сожалению, это "досадное недоразумение" не устранено до сих пор: и по сей день вопрос о подлинности поэтического наследия Омара Хайяма остается нерешенным. Остановимся на основных этапах изучения творчества Хайяма.

В 1867 г. в Париже французский востоковед М. Никола издал "Рубайат" Хайяма, включив в свой сборник 464 четверостишия. В 1897 г., известный русский востоковед В.А. Жуковский в своей работе "Омар Хайям и странствующие четверостишия" показал, что из 464 рубаи в издании Никола 82 приписываются 39 (!) другим поэтам, жившим намного позднее Омара Хайяма, такие

Омар Хайям (проблемы и поиски) filosoff.org
четверостишия В.А. Жуковский назвал "странствующими".

В результате исследований других востоковедов, в частности английского ученого Д. Росса и датского – А. Кристенсена, в рукописях Хайяма было найдено еще некоторое количество рубаи, авторство которых сомнительно, и общее число "странствующих четверостиший" достигло 108. Неутешительное открытие, особенно если учесть, что время создания четверостиший отделено от нас промежутком в восемь веков, прижизненной рукописи Хайяма не сохранилось, достоверные подробности написания четверостиший никому не известны. Тексты самих четверостиший не содержат датировок (а также косвенных данных, по которым их можно было бы датировать). В некоторых четверостишиях, правда, встречается имя Хайяма, но, строго говоря, это не может служить доказательством подлинности, – ведь автор подделки, например, начал бы именно с этого. Одно время (1904 г.) А. Кристенсен, впад в полный пессимизм, утверждал, что подлинно хайямовскими могут быть признаны всего 12 четверостиший, однако потом (1927 г.) отказался от столь нигилистической позиции и предложил считать достоверными 121 рубаи.

Дальнейшая работа над изучением поэтического наследия Хайяма шла с переменным успехом; надежды, вызванные находкой древней рукописи, сменялись разочарованием: рукопись оказывалась подделкой или датировка ее казалась сомнительной. Так было в 1925 г, с рукописью, опубликованной в Берлине Ф. Розеном, так получилось и с нашей (Р. Алиева и моей) публикацией мнимой рукописи XIII в, Различные ученые (Ф. Розен, Хр. Ремпис, М.-А. Форуги) пытались создать метод для определения того, какие же четверостишия действительно принадлежат Хайяму, а какие – приписываются ему. Однако установление критерия подлинности оказалось весьма сложной задачей. Исследователи, не имея твердой почвы под ногами, скатывались к субъективным суждениям. Так, немецкий востоковед Хр. Ремпис, отобрав по строгой системе некоторое число "достоверных" четверостиший, счел возможным добавить к ним еще полсотни "созвучных" (забыв, вероятно, что "созвучное" для одного исследователя может показаться "несозвучным" другому).

Группа иранских ученых вообще руководствовалась главным образом интуицией. Надо сказать, что среди носителей языка такой субъективно-интуитивный метод дает иногда положительные результаты: в сущности, он основан на не изученных еще механизмах действия человеческого мозга. Традиционное воспитание литераторов (и литературоведов) в Иране включает в себя заучивание наизусть с детства огромного количества стихов: образованный поэт или филолог знает на память не менее 25 тыс. бейтов (двустихий). Такой [Б-010] запас информации дает колоссальную эрудицию, способность выносить интуитивное, но зачастую верное суждение об авторской принадлежности того или иного текста. Но гарантированно верным этот метод быть не может, его нельзя положить в основу научной атрибуции (т.е. установления авторской принадлежности) текста.

Современные текстологи широко используют для атрибуции текстов сравнительные и статистические методы. Составляются словники сравниваемых текстов, частотные словари, устанавливается процентное содержание в текстах ключевых слов, словосочетаний, образных выражений, – но все это при достаточно большом объеме как подлинного текста, так и текста, вызывающего сомнения. Для установления авторства приписываемых Хайяму рубаи этот метод применить нельзя, так как объем четверостишия слишком мал, чтобы проводить статистические подсчеты и сопоставления.

Итак, проблема определения подлинности наследия Омара Хайяма не разрешена до сих пор. По-видимому, это обусловлено еще и тем, что в творчестве Хайяма сочетаются самые противоречивые идеи и мотивы. Стоит по этому поводу процитировать В.А. Жуковского: "Он – вольнодумец, разрушитель веры; он – безбожник и материалист; он – насмешник над мистицизмом и пантеист; он – правоправующий мусульманин, точный философ, острый наблюдатель, ученый; он – гуляка, развратник, ханжа и лицемер; он – не просто богохульник, а воплощенное отрицание положительной религии и всякой нравственной веры; он – мягкая натура, преданная более созерцанию божественных вещей, чем жизненным наслаждениям; он – скептик-эпикурец; он – персидский Абу-л-Ала, Вольтер, Гейне"... [bibr-004] "Можно ли в самом деле представить человека, если только он не нравственный урод, в котором могли бы совмещаться и уживаться такая смесь и пестрота убеждений, противоположных склонностей и направлений, высоких доблестей и низменных страстей и колебаний". [bibr-004]

В известной мере В.А. Жуковский прав – в четверостишиях Омара Хайяма немало противоречий, Однако, главным образом, эти противоречия объясняются не противоречивостью взглядов самого поэта, а различным толкованием исследователями его четверостиший.

Одни ученые воспринимают рубаи Хайяма как гимн человеческой свободе, воспевание радостей земной жизни, другие толкуют их как выражение мистической любви к абсолютному божеству, суфийские [С-008] обращения к богу. Характерно, что одному и тому же рубаи разные ученые часто дают совершенно противоположное толкование.

В современной науке утвердилось убеждение, что Хайям не был ни суфием, ни правоверным мусульманином. Хотя и в наши дни встречаются еще люди, берущиеся толковать стихи Хайяма в суфийском плане или в духе ортодоксального ислама, однако строгой наукой подобные попытки не принимаются всерьез.

Таким образом получается, что "непостижимая противоречивость" Хайяма, отразившаяся в характеристика, данной ему В.А. Жуковским, обусловлена не столько тем, что Хайяму приписываются стихи разных поэтов, сколько различными позициями, с которых исследователи подходили к оценке его стихов.

Мы уже говорили, что у себя на родине Омар Хайям не пользовался таким признанием, как другие великие персидские поэты: Фирдоуси, Саади, Хафиз. Вмести с тем трудно согласиться с утверждениями некоторых европейских исследователей, будто Хайям вовсе не был известен в Иране, что как поэта его открыли европейцы. Самым убедительным опровержением этой точки зрения служит тот факт, что четверостишия Хайяма сохранились в многочисленных рукописных списках как литературного, так и философско-религиозного характера: непопулярные стихи едва ли станут переписывать веками. Об известности Хайяма-поэта свидетельствуют также многочисленные цитаты из его стихов в различных сочинениях (исторических, философских и теософских).

Как нам кажется, объяснение тому, что Хайям не был так популярен, как, например, Саади и Хафиз, надо искать в том, что для персидского читателя он был поэтом необычным, резко отличавшимся от других поэтов характером творчества, системой образов, изобразительными средствами.

По персидским литературным канонам, в поэте больше всего ценят умение создать новые образы, по-персидски "маани". Отметим, что содержание понятий "маани" и "образ" не совсем совпадают. В европейской поэтике образом называют применение различных средств поэтической выразительности. Можно, например, уподобить красавицу – розе, стан красавицы – кипарису, и тогда роза станет образом красавицы, кипарис – образом стройного стана. Созданный одним поэтом, этот образ при повторении теряет оригинальность, может превратиться в литературный штамп. В персидской поэзии все по-иному: в стихотворениях каждого поэта десятки раз встречаются "розы" и "кипарисы", но там они служат лишь своего рода основой образа, которая превращается в подлинный образ (маани) только с помощью привлечения новых стилистических и поэтических средств, установления новых семантических связей. Эти многочисленные вариации на одну и ту же тему-первооснову составляют одну из характерных черт персидской поэзии. (Кстати, эта особенность персидской поэзии весьма затрудняет адекватный перевод ее на европейские языки, перенесение в сферу иных литературных традиций, "вторичные" изобразительные средства, семантические и стилистические ассоциации, играющие такую важную роль в структуре персидского образа, часто исчезают, опускаются при переводе как "несущественные детали". В результате подлинное поэтическое содержание, авторское видение предмета и манера изображения его оказываются утерянными.)

В поэзии Хайяма, с точки зрения знатоков персидской поэзии, образов (маани) сравнительно мало, его стихи почти лишены "вторичных" изобразительных средств, они как бы оголены и предстают перед читателем в форме прямо выраженной мысли. В четверостишиях Хайяма образность, переносное выражение достигается прежде всего не созданием и варьированием старых тропов, а художественным вымыслом иного порядка, основанным на принципах контрастности и сюжетных поворотов. Эта особенность Хайяма выводит его из ряда канонических персидских поэтов, она объясняет, почему персидские ценители поэзии долго не решались признать его поэтические достоинства.

Омар Хайям (проблемы и поиски) filosoff.org
Рубаи (четверостишие) не выступает как основная жанровая форма ни у одного персидского поэта, кроме Хайяма. В форме рубаи писали преимущественно лирические или философские стихи (хотя изредка встречаются даже панегирические рубаи). Пожалуй, можно назвать рубаи преимущественно философским жанром, так как даже интимно-лирические рубаи у персидских поэтов проникнуты определенным философским настроением.

Примечание:

Только четверостишиями представлено творчество еще одного поэта XI в. – Баба Тахира, однако его стихи написаны в форме дубайти, отличающейся от рубаи стихотворным метром.

Уже сам объем рубаи – четыре строки, из которых три (иногда и все четыре) рифмуются между собой, диктует определенные условия организации текста, подбора средств поэтической выразительности. В рубаи, разумеется, не может быть эпического начала, в нем невозможны детальные описания, психологическая детализация. Жесткие рамки формы требуют от поэта высокого мастерства и таланта. Хайям, избрав этот жанр, остался в нем непревзойденным: даже рубаи такого гениального поэта, как Хафиз, уступают хайямовским,

Рубаи Омара Хайяма отличаются от стихов других персидских поэтов также природой лирического героя. Разумеется, не обладая подробными (и достоверными) биографическими данными об Омаре Хайяме, трудно сказать, насколько образ лирического героя в его стихах тождествен автору, – скорее можно говорить об обобщенном персонаже, воплотившем в поэтической форме черты ринда, вольнодумца-гуляки, столь популярного в кругу литераторов и образованных людей Ирана и Средней Азии в XI–XII вв. "Обозначен" лирический герой бывает по-разному: он выступает и как повествователь от первого лица, и как адресат, к которому обращается автор, и как собирательный тип, олицетворяющий все человечество.

Персидская лирика X–XI вв., из недр которой выросло творчество Хайяма, в основном развивалась в двух жанровых формах: касы- [К-006] да (панегирик) и газель (любовно-лирическое стихотворение), при- [Г-001] чем газель как форма сложилась значительно позднее. И в касыде, [Г-001], [К-006] и в газели персидских поэтов X–XI вв, лирический герой во взаи- [Г-001] моотношениях с мамдухом (восхваляемым) и возлюбленной выступает как личность неравноправная, приниженная. Поэт X–XII вв. называет себя "рабом", а возлюбленную или мамдуха – "властелином", "султаном", "падишахом". Для художественной иллюстрации взаимоотношений между этими персонажами поэты X–XII вв. широко пользуются парными сравнениями типа: сокол – трясогузка, орел – утка, барс – олень, лев – антилопа и пр., – где первый член сравнения служит образом мамдуха или возлюбленной, а второй – лирического героя. Во взаимоотношениях с судьбой лирический герой персидской поэзии X–XII вв. также занимает подчиненное положение: он целиком зависит от нее и безропотно сносит удары рока и "коловращение небес", считая борьбу или сопротивление бесполезными. Самый великий из персидских поэтов X в., Рудаки, в творчестве которого замечаются определенные черты независимой личности, пишет о судьбе и людях в таких выражениях:

В мирских садах не думай о плодах,

Одни лишь ивы плачут в тех садах,

Приблизился садовник. Берегись!

Пройди как ветер и пребудь как прах.

(пер. С. Липкина)

О взаимоотношениях лирического героя и судьбы (или этого мира) Рудаки пишет и в других своих стихах:

Жестокий этот мир лишь мачехе подобен,

Омар Хайям (проблемы и поиски) filosoff.org
Он с пасынком свиреп и к падчерице злобен.

У Рудаки и других поэтов лирический герой сравнивается с шаманом, а судьба (или "этот мир") – с кумиром, идолом, что опять-таки подчеркивает зависимый характер их взаимоотношений. Не только призыва к бунту против несправедливости судьбы, но даже слабого намека на протест не найдешь у поэтов X в. Они констатируют факт произвола рока и лишь иногда выражают нечто вроде недовольства. Коллизии творец – лирический герой у предшественников Хайяма мы не находим вовсе. (Исключение в этом отношении представляют лишь некоторые стихотворения Насира Хосрова, в частности "Спор с богом", однако подлинность и атрибуция его весьма сомнительны.) Только у Омара Хайяма впервые в истории персидской поэзии художник резко заявляет о своих разногласиях с создателем, вступает с ним в полемику и бунтует против него. Хайям – первый персидский поэт, который ввел в свои стихи идею конфликта между поэтом и творцом, а коллизию поэт – судьба, наметившуюся в литературе X в., разработал в целостную поэтико-философскую концепцию.

Хайям многократно варьирует мысль о враждебности судьбы к человеку:

Злое небо над нами расправу вершит.

Им убиты Махмуд и могучий Джамшид.
Пей вино, ибо нету на землю возврата

Никому, кто под этой землею лежит.

(пер. Г. Плисецкий)

Знай, рожденный в рубашке, любимец судьбы:

Твой шатер подпирают гнилые столбы.

Если плотью душа, как палаткой, укрыта –

Берегись, ибо колья палатки слабы!

(пер. Г. Плисецкий)

Мотив карающего неба, безжалостной судьбы в четверостишиях обретает разные художественные формы, нередко аллегорические, но это лишь различные выражения мысли об универсальной, всеохватывающей власти неотвратимого рока:

Не давай убаюкать себя похвалой –

Меч судьбы занесен над твоей головой.

Как ни сладостна слава, но яд наготове

У судьбы. Берегись отравиться халвой!

(пер. Г. Плисецкий)

Поутру просыпается роза моя,

На ветру распускается роза моя.

О жестокое небо! Едва распустилась –

Как уже осыпается роза моя.

(пер. Г. Плисецкий)

Столкновение индивида с судьбой (небом, этим миром) в стихах Хайяма не ведет к мирному исходу, личность в этой схватке терпит поражение, она гибнет. Однако дух лирического героя не сломлен, он не раскаивается и не признает себя побежденным.

Омар Хайям в своих стихах не предлагает читателю стройной, положительной концепции мироздания и человеческой личности, он не пишет о том, каким представляется ему идеальный мир, каким, по его мнению, должен быть

Омар Хайям (проблемы и поиски) filosoff.org
человек, какими положительными качествами тот должен обладать. Он только отрицает существующее, отрицает то, что изображается положительным и святым в Коране, отвергает мораль и нравственные устои, навязанные людям мусульманством. Он прекрасно владеет логикой и часто использует ее как оружие против мусульманских догм, вскрывая противоречия, содержащиеся в Коране, отрицая здравый смысл Священного писания мусульман.

Но логика – инструмент ученого, в поэзии же на первый план выступают задачи эмоционального воздействия на читателя. В этом смысле интересны стихи, в которых лирический герой как бы выясняет свои взаимоотношения с творцом. Омар Хайям страстно, порывисто протестует против смерти, призывает к радостной, полной мирских, чувственных наслаждений жизни. Смерть противоестественна – и однако по воле и желанию творца она неизбежна. Поэт вступает в полемику с богом, выражая свой гневный бунт против неумолимой смерти:

Отчего всемогущий творец наших тел
даровать нам бессмертия не захотел?
Если им совершенны – зачем умираем?
Если несовершенны – то кто бракодел?
(пер. Г. Плисецкий)

Коль скоро смерть неотвратима, а жизнь – быстротечна, она кажется Хайяму бессмысленной, лишенной какой-либо положительной цели. Но и в мир иной Хайям не верит, подвергая, таким образом, сомнению одну из основ ислама. Он резко восстает против надежды на загробную жизнь и призывает получить от реальной жизни все возможное:

"Как там – в мире ином?" – я спросил старика,
Утешаясь вином в уголке погребка.
"Пей! – ответил. – Дорога туда далека.
Из ушедших никто не вернулся пока".
(пер. Г. Плисецкий)

Характерная особенность лирического героя в стихах Хайяма – это полное отрицание им всего того, что считается святым у правоверных мусульман, отказ от покорности богу, Однако нет оснований изображать Хайяма законченным атеистом, как это делают в некоторых современных изданиях. Лирический герой Омара Хайяма отчуждает себя от творца, не признает справедливости его приговора, справедливости предопределения, но самого творца он не отрицает. Он полемизирует с богом, укоряет его, восстает против него, – но не подвергает сомнению его существование.

Хайям не отрицает бога, но он отрицает многое в религии: веру в загробную жизнь, существование рая и ада. Легенда о рае служит ему одним из поэтических средств для оправдания земных чувственных наслаждений:

Сад цветущий, подруга и чаша с вином –
Вот мой рай. Не хочу очутиться в ином.
Да никто и не видел небесного рая!
Так что будем пока утешаться в земном.
(пер. Г. Плисецкий)

Если гурия кубок наполнит вином,
Лежа рядом со мной на ковре травяном, –
Пусть меня оплюют и смешают с дерьмом,

Омар Хайям (проблемы и поиски) filosoff.org
Если стану я думать о рае ином!

(пер. Г. Плисецкий)

Хайям не только не отрицает бога, напротив, он признает его могущество, способность определять все сущее, все явления во вселенной. Полагая господа первопричиной всех людских поступков, Хайям этим оправдывает свое "право на грех" - в духе рассуждений средневековых богословов:

Если я напиваюсь и падаю с ног -

Это богу служение, а не порок.

Не могу же нарушить я замысел божий,

Если пьяницей быть предназначил мне бог!

(пер. Г. Плисецкий)

Вину за людские грехи Хайям возлагает на бога:

Мы с тобою - добыча, а мир - западня.

Вечный ловчий нас травит, к могиле гоня,

Сам во всем виноват, что случается в мире,

А в грехах обвиняет тебя и меня.

(пер. Г. Плисецкий)

Существование бога для Хайяма - реальность, печальная действительность. Он восстает против этой действительности, клянет бога за несправедливость, отсутствие милосердия, даже за отсутствие здравого смысла:

Удивленья достойны поступки творца!

Переполнены горечью наши сердца,

Мы уходим из этого мира, не зная

Ни начала, ни смысла его, ни конца.

(пер. Г. Плисецкий)

Ты задался вопросом: что есть человек?

Образ божий. Но логикой бог пренебрег:

Он его извлекает на миг из пучины -

И обратно в пучину швыряет навек.

(пер. Г. Плисецкий)

Разумеется, называть Хайяма атеистом, равно как и утверждать, что он стоял на материалистических позициях, совершенно неправомерно, Омар Хайям признавал существование бога и полемизировал с ним, - о последовательном материализме нечего и говорить. Но вместе с тем нельзя не признать, что в стихах Хайяма постоянно проходят мысль о вечном круговороте физического субстрата всех вещей, материи, мысль, которая в корне подрывает идею о вечности духа; а его настойчивое отрицание загробной жизни, рая и ада противоречит одному из основных религиозных догматов о воздаянии на том свете.

Идея вечного круговорота материи (в понимании того времени) в стихах Хайяма выражена в теме гончара, который лепит кувшины из глины - вчерашнего праха умерших, в непрерывных превращениях глины в человека, человека в прах, в теме вырастающих из праха травы и цветов.

Я однажды кувшин говорящий купил.

"Был я шахом! – кувшин безутешно вопил. –
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха
Сделал бывшего шаха утехой кутил".

(пер. Г. Плисецкий)

На зеленых коврах хорасанских полей
Вырастают тюльпаны из крови царей.
Вырастают фиалки из праха красавиц,
Из пленительных родинок между бровей...

(пер. Г. Плисецкий)

Особенно поэтичны и выразительны рубаи, в которых кувшин или чаша обретают дар речи и вступают в беседу с лирическим героем. Неодушевленные предметы оживают, сквозь неживую материю проступают черты мыслящего существа, человеческие черты. Однако это слияние природы с человеком (или человека с природой) не походит на суфийское мистическое растворение всего сущего, всего живого и неживого в абсолютном божестве. У суфиев человек умирает, чтобы вернуться в безбрежный, бесконечный океан божественной сущности. У Хайяма человек перестает существовать материально, чтобы превратиться в другой вид материи. В суфийской поэзии лирический герой – ничто, а бог – все, Хайяму такое противопоставление чуждо, в его стихах равны глина, прах человеческий и сам человек, ибо они – проявления одной и той же материальной основы.

Художественный прием, к которому Хайям прибегает в четверостишиях, условно группируемых вокруг темы гончара, необычайно экспрессивен. Собственно, это один из видов прозопопеи (олицетворения) европейской поэтики. Эта разновидность олицетворения широко применяется Хайямом в его четверостишиях и несомненно является одной из его творческих особенностей: в произведениях его предшественников этот прием почти не встречается.

В поэзии Хайяма в отличие от других произведений персидской поэтической классики выразительность преобладает над образностью. У Хайяма мало сравнений и метафор, нет детализации описания, у него вообще отсутствует красочное описание (васф), столь характерное для персидской поэзии в целом. Попробуем сравнить, как описывают вино Рудаки и Хайям (отметим, что в плане соотношения образности и экспрессивности Рудаки стоит ближе к Хайяму, чем другие поэты). Рудаки пишет:

Налей вина мне, отрок стройный, багряного, как темный лал, Искристого, как засверкавший под солнечным лучом кинжал. Оно так хмельно, что бессонный, испив, отрадный сон узнал, Так чисто, что его бы всякий водою розовой назвал. Вино – как слезы тучки летней, а тучка – полный твой фиал. [Ф-006] Испей – и разом возликуешь, все обретешь, чего желал. Где нет вина – сердца разбиты, для них бальзам – Глотни мертвец его хоть каплю, он из могилы бы восстал. И пребывать вино достойно в когтях орла, превыше скал, Тогда – прославим справедливость! – его бы низкий не достал.

(Пер. В. Левика)

В этом отрывке вино описано весьма красочно, зримо, и вместе с тем дано изображение его воздействия, в описании сочетаются образное и выразительное начала, причем образность доминирует над экспрессивностью. Сравним теперь с этим стихотворением рубаи Хайяма:

Ни держава, ни полная злата казна –
Не сравнятся с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова, ни трон Фаридуна
Не дороже затычки от кувшина!

(пер. Г. Плисецкий)

Художественная структура здесь основана на едином принципе антитезы, одна антитеза (чарка вина – держава, казна) сменяется другой (затычка от кувшина – венец Кей-Хосрова, трон Фаридуна). Позиция лирического героя, казалось бы, не выражена, но вместе с тем совершенно ясно, что вино дано не в изображении его внешних качеств, зрительных особенностей, а в его сущностной характеристике, через оценку и эмоции лирического героя, хотя он и не фигурирует, а лишь подразумевается.

С точки зрения соотношения выразительности и изобразительности характерно следующее рубаи, также построенное на художественном сопоставлении контрастных явлений:

Стоит власти над миром хороший глоток.

Выше истины выпивку ставит знаток.

Белоснежной чалмы правоверного шейха [Ш-006]

Стоит этот, вином обогранный, платок.

(пер. Г. Плисецкий)

Тема вина в стихах Хайяма заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее. Часто Омара Хайяма трактуют как гедониста, бездумного певца вина и чувственных наслаждений. Возможно, начало такой трактовке положил отбор рубаи в переводе Фицджералда, но главную роль, безусловно, сыграло направленное восприятие читателей. Человек обладает особым чувством эстетического отбора: из океана разнообразных мыслей, гаммы чувств, предоставляемых в его распоряжение художественным текстом, он отбирает то, что ему по душе, по вкусу. Конечно, в четверостишиях Хайяма можно найти такие, которые допускают интерпретацию в гедоническом плане, например:

Нищий мнит себя шахом, напившись вина.

Львом лилица становится, если пьяна,

Захмелевшая старость беспечна, как юность.

Опьяневшая юность, как старость, умна.

(пер. Г. Плисецкий)

В определенной мере с этими строками перекликаются некоторые стихи Рудаки:

Налей того вина, что, если капнет в Нил,

То пьяным целый век пребудет крокодил.

А если выпьет лань, то станет грозным львом,

Тем львом, что и пантер и тигров устранил.

(Пер. С. Липкина)

Однако вино как поэтический образ у Хайяма и Рудаки имеет существенное отличие: в стихах основоположника персидско-таджикской поэзии и его современников вино является самостоятельным поэтическим "персонажем", выступает как нечто имманентное, самодовлеющее, оно предметно и вполне реально, у Хайяма же вино – вспомогательное поэтическое средство, служащее главным образом для раскрытия сущности лирического героя.

Трактовка темы вина у Омара Хайяма намного глубже, чем в известном классическом жанре хамрийат ("винная поэзия"), где описываются как само вино, так и его свойства. Вместе с тем Хайям далек и от суфийского понимания вина, согласно которому этот напиток рассматривается как средство (или как символ) экстатического исчезновения личности, отчуждения ее от всего земного для слияния с абсолютным, т.е. с богом.

Вино в стихах Хайяма – поэтический образ, служащий ему средством самовыражения, самоутверждения и отчуждения от религиозных запретов. Для Хайяма вино – символ земных радостей и борьбы с религиозным ханжеством, способ выражения протеста против существующей действительности, бунта против человеческой ограниченности.

В четверостишиях Хайяма встречаются некоторые традиционные поэтические изобразительные средства, однако они не являются определяющей чертой его стиля, они играют роль лишь вспомогательных художественных приемов для усиления выразительности, как, например, в следующих стихах:

Нежным женским лицом и зеленой травой

Буду я наслаждаться, покуда живой.

Пил вино, пью вино и, наверное, буду

Пить вино до минуты своей роковой!

(пер. Г. Плисецкий)

Для художественных средств рубаи Хайяма характерно также преобладание функционального начала над зрительным. У предшественников Хайяма изобразительные средства, основанные на зрительном восприятии (главным образом, эпитеты и сравнения), составляют около половины всего их арсенала; некоторые персонажи в стихах этих поэтов, как, например, объект сатиры, описаны по преимуществу изобразительными средствами, а доля последних в теме "возлюбленная" составляет почти 50 процентов.

Число примеров, свидетельствующих об абсолютном превосходстве у Хайяма экспрессивного начала творчества над изобразительным, легко можно увеличить. Предметное изображение служит этому поэту лишь неким фоном для эмоционального выражения, описанию внешних свойств отводится служебная роль при сущностной характеристике явлений. Стихи Хайяма можно назвать функциональной поэзией в отличие от описательной поэзии большинства персидских авторов.

Выше мы сопоставляли описание вина у Хайяма и у Рудаки – основоположника персидско-таджикской поэзии. Попробуем сравнить, как трактуют два поэта тему "возлюбленная". У Рудаки находим:

Аромат и цвет похищен был тобой у красных роз:

Цвет взяла для щек румяных, аромат – для черных кос.

Станут розовыми воды, где омоешь ты лицо.

Пряным мускусом повеет от распущенных волос.

(Пер. В. Левика)

Прелесть смоляных, вьющихся кудрей

От багряных роз кажется нежней.

В каждом узелке – тысяча сердец,

В каждом завитке – тысяча скорбей.

(Пер. С. Липкина)

Как видим, четверостишия Рудаки – описательны, причем описание строится по принципу подбора внешних признаков (цвет, запах) и связанных с ними ассоциаций.

У Хайяма нельзя найти ни одного рубаи, которое было бы целиком посвящено описанию возлюбленной. Более того, в стихах Хайяма нет персонажа возлюбленной, с определенной внешностью и душевным складом, он вообще не тратит слов на ее изображение, возлюбленная служит для него лишь поэтическим аксессуаром для утверждения мысли о примате земного мира над обещанной загробной жизнью. Образ возлюбленной, как и образ вина, –

Омар Хайям (проблемы и поиски) filosoff.org
средство поэтического протеста автора против существующего. Как правило, возлюбленная перечисляется вместе с другими атрибутами веселой жизни риндавольнодумца:

Брось молиться, неси нам вина, богомол,
Разобьем свою добрую славу об пол.
Все равно ты судьбу за подол не ухватишь -
Ухвати хоть красавицу за подол!

(пер. Г. Плисецкий)

Снова вешнюю землю омыли дожди,
Снова сердце забилось у мира в груди.
Пей с подругой вино на зеленой лужайке -
Мертвецов, что лежат под землей, разбуди!

У Хайяма мы не найдем мотива единственной и неповторимой возлюбленной, в его стихах нет и чувства неразделенной любви, нельзя усмотреть неравноправного положения героя по отношению к любимой. Образ возлюбленной в стихах Хайяма - не авторская самоцель, не повелительница, жестокая и коварная, не активная личность - это вообще не личность, а лишь литературный символ, предназначенный для противопоставления религиозным догматам.

В художественной структуре стихов Омара Хайяма большую роль играет такой поэтический прием, как оппозиция, состоящий в том, что противопоставляются не только явления, составляющие антитезу, но и предметы и явления иного ряда. У Хайяма оппозиция не ограничивается рамками одного рубаи, она пронизывает весь строй его стихов. Лирический герой поставлен в оппозицию с судьбой и творцом, радости этого мира находятся в оппозиции с обещанными благами загробного рая, мирские утехи простых людей противопоставлены и царской власти и райским наслаждениям. Встречаются у Хайяма и рубаи, целиком построенные на принципе оппозиции и антитезы:

Мы источник веселья - и скорби рудник.
Мы вместилище скверны - и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир - многолик.
Он ничтожен - и он же безмерно велик!

Подобное нанизывание контрастных явлений, нарочитое соположение противостоящих друг другу полюсов создает большой художественный эффект, придает стихам особую выразительность, непреложную убедительность.

Красавица, вино, трава и цветы в стихах Хайяма поставлены в оппозицию с гуриями, райскими розами и фонтанами, земное противопоставлено неземному, скепсис ученого - тупому упорству догматика, искренность лирического героя - ханжеству и лицемерию святош, жизнь противопоставлена смерти, бытие - небытию.

Омар Хайям занимает в ряду персидских поэтов исключительное место. Возможно, он не самый великий из них (да и кто возьмет на себя раздачу грамот на величие?), но, пожалуй, можно сказать, что Хайям - наиболее самобытный, не похожий ни на кого другого и вместе с тем - самый общечеловечный.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
Страница 11

Омар Хайям (проблемы и поиски) filosoff.org
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!